

ПСИХОЛОГИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

УДК 159.9

ГРНТИ 15.41.21

ВЗАИМОСВЯЗИ ЗАВИСИМОСТИ ОТ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ С УВЕРЕННОСТЬЮ В СЕБЕ, ЭМОЦИОНАЛЬНЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ И ПОВЕДЕНИЕМ В КОНФЛИКТАХ

©2023 г. В.П. Шейнов*, А.С. Девицын **

** Доктор социологических наук, кандидат физико-математических наук, профессор,
профессор кафедры психологии и педагогического мастерства, Республиканский
институт высшей школы, г. Минск, Республика Беларусь;
e-mail: sheinov1@mail.ru*

*** Старший преподаватель кафедры веб-технологии и компьютерного моделирования,
Белорусский государственный университет; г. Минск, Республика Беларусь;
e-mail: devitsin@gmail.com*

Зависимость от социальных сетей связана с чувством одиночества, тревожностью, депрессией, стрессом, неудовлетворенностью жизнью, импульсивностью, нарциссизмом, незащищенностью от кибербуллинга. Поэтому изучение зависимости от социальных сетей весьма актуально. Цель данного исследования — проверка гипотезы о возможных связях зависимости от социальных сетей с уверенностью в себе, эмоциональным интеллектом и стилем поведения в конфликтных ситуациях. Основу эмпирического исследования составили данные онлайн-опроса 1456 респондентов (показатели возраста $M = 22,4$, $SD = 7,6$), в том числе 965 женщин и 490 мужчин. Зависимость от социальных сетей измерялась опросником ЗСС-15 (В.П. Шейнов, А.С. Девицын), уверенность в себе — методикой В.Г. Ромека, эмоционального интеллекта — тестом К. Томаса - Р. Килманна, зависимость от смартфона — короткой версией САС-16 (В.П. Шейнов) опросника «Шкала зависимости от смартфона». В статье установлено, что у мужчин и у женщин имеются статистически высоко значимые отрицательные связи зависимости от социальных сетей с уверенностью в себе ($r = - 0,155$, $p < 0,001$), а у мужчин — еще и с интегративным показателем эмоционального интеллекта ($r = - 0,145$,

$p < 0,001$). Зависимость мужчин и женщин от социальных сетей уменьшается с возрастом ($r = -0,150$, $p < 0,001$). Выявлены также отрицательные связи зависимости от социальных сетей с различными компонентами эмоционального интеллекта и разнонаправленные связи со стилями поведения в конфликте, причем у мужчин и у женщин и те, и другие значительно отличаются. Эти результаты являются новыми, поскольку ни в отечественных, ни зарубежных публикациях не обнаружено подобных результатов о связях зависимости от социальных сетей. Большинство полученных результатов в целом сходны с результатами соответствующих зарубежных и отечественных исследований, однако в русскоязычном социуме обнаружено значительное влияние пола на связи зависимости от социальных сетей, которое не отмечалось предыдущими исследователями.

Ключевые слова: зависимость от социальных сетей, уверенность в себе, эмоциональный интеллект, поведение в конфликтных ситуациях, зависимость от смартфона, факторы зависимостей, женщины, мужчины.

ВВЕДЕНИЕ

Социальные сети являются более привлекательным информационным ресурсом по сравнению со СМИ, причем общественные настроения во время самоизоляции в период пандемии Ковид-19 изменилось в сторону их поляризации (Ковалева, Журавлев, 2020). Пользователи социальных сетей проводят в них много времени, что не могло не отразиться на их субъектности. В результате этой поляризации у участников сетевых сообществ образовалось четыре типа субъектности, различающиеся поведением их в интернете и в отношении к нему: связанный, пассивный, активной саморефлексии и активного самовоспроизводства (Ковалева, 2020).

Длительное пребывание в социальных сетях привело также к возникновению специфического «языка общения». При этом подростки (особенно мальчики) менее склонны соблюдать правила общения в онлайн, что связано с представлением о том, что интернет дает возможность выплеснуть негатив и остаться безнаказанным (Солдатова, Рассказова, 2019а).

Приведенные факторы оказывают влияние на межличностные отношения и на личностные характеристики участников коммуникации, причем степень этого воздействия зависит от уровня цифровой зависимости субъектов (Левина, 2019).

Психологическое воздействие в социальных сетях довольно специфично. Для понимания этой специфики предложена модель этого воздействия, основанием которой послужили теоретические подходы, направленные на понимание особенностей реагирования отдельного человека, столкнувшегося с потоком информации в социальных сетях, а также концепции, ориентированные на анализ роли социальной идентичности человека и его социального окружения в процессах воздействия (Занковский, Латынов, 2021).

Для использования разработанной интегративной модели психологического воздействия в социальных сетях принципиально важно, что выделены ее теоретические основания и составные элементы, описаны структура, определены ее возможности. Предложен сценарный подход к агент-ориентированному моделированию воздействия в социальных сетях, который может быть полезными в исследованиях механизмов психологического воздействия в социальных сетях и при принятии решений в процессе социально-политического планирования (Латынов, Занковский, 2022).

Особую опасность представляют те из психологических воздействий в социальных сетях, которые служат средством распространения фейковой информации, кибербуллинга и других форм манипулирования в онлайн. Российскими исследователями выявлены психологические факторы эффективного противодействия распространению фейковой информации и психологические механизмы, снижающие действенность опровержения дезинформации (эффекты обратного действия, «консенсуса экспертов», эмоционального заражения, дезинформации и др.) (Нестик, Михеев, 2022).

Виктимизация посредством кибербуллинга негативно влияет на психическое и физическое здоровье человека. Кибер-издевательства положительно коррелируют с серьезными психосоциальными и аффективными проблемами и отрицательно — с показателями эмоционального благополучия.

Выявлены социально-психологические факторы столкновения подростков и молодых людей с киберагрессией, проанализированы особенности цифровой

социальности, формирующей в результате приобретения опыта социального онлайн-взаимодействия (Солдатова, Рассказова, Чигарькова, 2021), а также стратегии родительской медиации и представления подростков, связанные с неосведомленностью родителей о столкновении с интернет-рисками их детей (Солдатова, Рассказова, 2019б).

Киберагрессия является одной из реализаций, частным случаем онлайн-манипулирования, которое нуждается в изучении его психологических аспектов и механизмов манипулирования в интернет-пространстве

Установлена положительная связь зависимости от социальных сетей с тревожностью, депрессией, одиночеством, экстраверсией и отрицательная связь с самооценкой, удовлетворенностью жизнью и возрастом (Шейнов, Девицын, 2021а, с.41). Выявлены статистически значимые связи зависимости женщин и мужчин от социальных сетей: положительные — с импульсивностью и нарциссизмом, отрицательные — с асертивностью. Показано, что зависимость от социальных сетей положительно коррелирует с интернет-зависимостью, стрессом, прокрастинацией, незащищенностью от кибербуллинга и отрицательно связана с самоуважением.

В зарубежных исследованиях также установлены положительные связи зависимости от социальных сетей со стрессом, тревожностью, депрессией, нейротизмом, низкими самооценкой и самооценкой, с кибервиктимизацией. Выявлены отрицательные связи зависимости от социальных сетей с успеваемостью школьников и студентов, производительностью труда и приверженностью организации ее работников, социальным капиталом. Представленные связи зависимости от социальных сетей с низким уровнем удовлетворенности жизнью, низкой самооценкой пользователя сети, его депрессивными симптомами, тревожностью, высоким уровнем нейротизма, низким уровнем самоконтроля с большой вероятностью предсказывают его виктимизацию. Зависимое поведение и низкая самооценочность, присущая зависимым от социальных сетей пользователям, также приводят к виктимизации.

Наличие киберагрессии и виктимизации при зависимости от социальных сетей — еще одно свидетельство *актуальности* изучения психологического воздействия в сетевых сообществах. Тем более, что оно связано и с личностными характеристиками пользователей, зависимых от социальных сетей.

Действительно, в дополнение к вышесказанному, к настоящему времени исследователями установлены статистически значимые связи зависимости от социальных сетей с *эмоциональным интеллектом (ЭИ)*, низкой *уверенностью в себе*, *конфликтами и стрессами*.

Эмоциональный интеллект — это способность понимать свои и чужие эмоции и управлять ими (Люсин, 2004), это использование точно воспринятых эмоций в процессе мышления (Mayer, 2008).

Показано, что активное общение в социальных сетях негативно связано с эмоциональным интеллектом и имеет положительную корреляцию с трудностями общения (Гроголева, Дронова, 2016).

В исследовании 2068 испанских подростков (46,2% мужчин, 53,8% женщин) в возрасте 12-19 лет ($M = 14,61$, $SD = 1,62$) более низкий эмоциональный интеллект предсказывал более выраженное проблемное использование социальных сетей в результате последовательного опосредования, в которой более низкий эмоциональный интеллект предсказывал более высокий воспринимаемый стресс, который способствовал более высокому уровню депрессивных симптомов, что привело к более высокой зависимости от социальных сетей. Эти результаты предоставляют важные эмпирические данные, указывающие на многообещающие пути предотвращения зависимости подростков от социальных сетей, такие как тренинг эмоционального интеллекта, обучение методам снижения стресса и сосредоточение внимания на уменьшении симптомов депрессии (Arrivillaga, Rey, Extremera, 2022).

Результаты исследования *М. Mulawarman* с соавторами выявили негативные значимые связи между эмоциональным интеллектом и использованием социальных сетей

($r = -0,251$; $p < 0,05$), а также отрицательную корреляцию между успеваемостью и использованием социальных сетей ($R = -0,429$; $p < 0,05$) (Mulawarman et al., 2020).

Показано, что более высокий эмоциональный интеллект связан со снижением уровня зависимости от социальных сетей и улучшением психического здоровья (Sundvik, Davis, 2022). В работе А. С. Cindea и I. A. Frant выборка исследования включала 200 учеников (123 девушки и 77 юношей) в возрасте от 15-19 лет, обучающихся в румынских школьных учреждениях. Полученные результаты указывают на наличие статистически значимых отрицательных корреляций между временем, затрачиваемым студентами на социальные сети, и уровнем эмоционального интеллекта (Cindea, Frant, 2020).

Низкая уверенность в себе. Ряд исследователей пришли к выводу о прямой ее связи с зависимостью от социальных сетей. J. Cabral показал, что зависимость от социальных сетей служит признаком отсутствия активной социальной жизни и слабо выраженной уверенностью в себе (Cabral, 2008). K. Kircaburun с соавторами опросили 460 турецких молодых людей в возрасте 18 - 26 лет (61% женщин) и установили, что неуверенность в себе была и прямо, и косвенно связана с чрезмерным использованием социальных сетей (Kircaburun et al., 2020).

В ходе изучения S. Yu с соавторами 395 китайских студентов (из них 145 мужчин, возраст $M = 19,05$, возрастной диапазон 17–27 лет) обнаружено, что почти все участники (99%) используют сайты социальных сетей, при этом низкий оптимизм как фактор неуверенности в себе был косвенным фактором зависимости от социальных сетей (Yu et al., 2016).

В исследовании M. Iskender приняли участие 328 старшеклассников. Среди участников было 165 (50,3%) девушек и 163 (49,7%) юношей. Показано, что зависимость от социальных сетей, отсутствие уверенности в себе, социальное одиночество и эмоциональное одиночество в семье связаны между собой. В результате пошагового регрессионного анализа было установлено, что переменной, которая лучше всего предсказывает зависимость от социальных сетей, является отсутствие уверенности

в себе ($r = 0,649$), за которой следуют социальное одиночество и семейное эмоциональное одиночество (İskender, 2018).

Увлечение социальными сетями является альтернативой живому общению и чувству уверенности в себе (Almenayes, 2014). В исследовании *V. Boursier, F Gioia* и *M.D. Griffiths* с участием 578 подростков (средний возраст 16,1 года) показано, что тревога мальчиков по поводу своей внешности и ожидание того, что селфи могут повысить их уверенность в себе, были предикторами проблемного использования ими социальных сетей. Напротив, несмотря на более высокий уровень тревоги девушек по поводу собственного внешнего вида, это не повлияло на их участие в социальных сетях (Boursier, Gioia, Griffiths, 2020).

В процессе изучения связи использования социальных сетей с неуверенностью в себе, *A. Costanzo* с соавторами пришли к такому выводу: развитию уверенности в себе может способствовать уменьшение чрезмерного участия в социальных сетях (Costanzo et al., 2021).

Конфликты и стрессы. В работе *O. Bilgin* и *I. Tas* изучалось влияние воспринимаемой социальной поддержки и психологической устойчивости на зависимость от социальных сетей среди студентов университетов. Изучаемая группа состояла из 503 студентов университета, из них 340 (67,6%) участников — женщины и 163 (32,4%) — мужчины. Возраст студентов-участников варьировался от 17 до 31 года. Отрицательная связь наблюдалась между воспринимаемой социальной поддержкой и зависимостью от социальных сетей, а также между психологической устойчивостью и зависимостью от социальных сетей. Кроме того, было обнаружено, что психологическая неустойчивость была значительным предиктором зависимости от социальных сетей (Bilgin, Tas, 2018).

В статье *Siah* с соавторами на выборке из 219 студентов показано, что только стратегия избегания опосредует влияние патологии на зависимость от социальных сетей (Siah et al., 2021). В исследовании *B.Z.R. Wong, S.J. Goh, J.Y. Hui* корреляционный анализ ответов 230 участников показал, что стратегия выживания, ориентированная на

эмоции, и стратегия преодоления, ориентированная на избегание, положительно предсказывают зависимость от социальных сетей (Wong, Goh, Hui, 2020).

На выборке из 210 участников *L.N. Hurley* показано, что большая устойчивость связана со стратегиями выживания, ориентированными на проблемы и эмоции, по сравнению с избегающими стратегиями преодоления. Автор пришла к выводу, что использование социальных сетей напрямую связано с избегающими копинг-стратегиями преодоления. Ее исследование показало, что большая зависимость от социальных сетей связана с использованием всех четырех избегающих копинг-стратегий. «Результаты выявили положительную взаимосвязь между зависимостью от социальных сетей и всеми избегающими копинг-стратегиями: концентрация на эмоциях и выход из них, $r = 0,29$, $p < 0,001$, поведенческое отстранение, $r = 0,30$, $p < 0,001$, психическое отстранение, $r = 0,30$, $p < 0,001$ и употребление психоактивных веществ, $r = 0,22$, $p = 0,002$ » (Hurley, 2018, с.35).

Эти результаты установлены в зарубежных исследованиях. Закономерен вопрос, будут ли подобные связи иметь место для русскоязычных респондентов? Важность этих связей определяет *актуальность* подобного исследования.

В соответствии с вышесказанным, *цель* данного исследования — проверка гипотезы о возможных связях зависимости от социальных сетей с уверенностью в себе, эмоциональным интеллектом и стилем поведения в конфликтных ситуациях на русскоязычной выборке.

МЕТОДИКА

Описание выборки. Основу эмпирического исследования составили данные проведенного в апреле-июне 2022 г. онлайн-опроса 1456 респондентов (показатели возраста $M = 22,4$, $SD = 7,6$), в том числе 965 женщин и 490 мужчин. Статистики возраста испытуемых представлены в табл.1.

Таблица 1

Статистики возраста групп испытуемых

Статистика	Вся выборка	Мужчины	Женщины
Среднее значение	22,4	22,3	22,5
Медиана	19,0	19,0	19,0
Мода	19,0	19,0	19,0
Стандартное отклонение	7,56	7,56	7,73
Дисперсия	57,17	57,18	59,69
Асимметрия	2,54	2,54	2,55
Эксцесс	6,96	6,96	7,08
Размах	54,0	54,0	54,0
Минимум	15,0	15,0	15,0
Максимум	69,0	69,0	69,0

Методики. Зависимость от социальных сетей диагностировалась надежным и валидным опросником ЗСС-15 (Шейнов, Девидын, 2021а), зависимость от смартфона – короткой версией САС-16 (Шейнов, 2021) надежного и валидного опросника «Шкала зависимости от смартфона».

Уверенность в себе измерялась методикой В.Г. Ромека (Ромек, 1998, с. 87-108). Методика измеряет три компонента уверенности в себе (общая уверенность, инициатива в социальных контактах, социальная смелость).

Диагностика эмоционального интеллекта осуществлялась по методике Н. Холла (Социально-психологическая диагностика..., 2002, с.57-59). Методика включает 5 субшкал: 1) Эмоциональная осведомленность; 2) Управление своими эмоциями; 3) Самомотивация; 4) Эмпатия; 5) Распознавание эмоций других людей. Сумма показателей пяти шкал опросника эмоционального интеллекта дают его интегративный показатель.

Оценка стиля поведения в конфликтных ситуациях производилась тестом К. Томаса - Р. Килманна (Thomas, Kilmann, 1974, 2007), адаптированным для русскоязычного социума Н.В. Гришиной (Гребень, 2007, с. 381-388). Изучается пять стилей поведения в конфликтах: Соревнование; Приспособление; Компромисс; Избегание; Сотрудничество.

В исследовании также использованы статистически состоятельные факторные модели: 1) зависимости от социальных сетей — модель включает факторы «Психологическое состояние» пользователя сети, «Информация» (получение информации) и «Коммуникация» (Шейнов, Девицын 2021б, с.145) и 2) факторная модель зависимости от смартфона - включает факторы: «Потеря контроля» над собой, «Эйфория» от пользования смартфоном, «Страх отказа» использовать смартфон.

Для *статистического анализа* использован пакет SPSS-22. Выводы ориентированы на уровень значимости $p = 0.05$.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Все изучаемые выборки проверены на их соответствие нормальному закону распределения. Это позволило выбрать критерии для выявления связей зависимости от социальных сетей.

Оказалось, что эмпирическое распределение всех выборок, представляющих изучаемые качества, отлично от нормального. Поэтому для нахождения предполагаемых связей зависимости от социальных сетей со свойствами личности вычислили корреляции по непараметрическому критерию Кендалла. Выбор корреляций по Кендаллу удобен еще и тем, что он фиксирует как линейные, так и нелинейные связи.

В следующих таблицах представлены результаты вычисления корреляций в общих выборках (включающих представителей обоего пола), а также в женской и мужской выборках испытуемых.

Таблица 2 показывает наличие ряда статистически значимых ($p < 0,001$) корреляций, свидетельствующих о существовании связей зависимости от социальных сетей: отрицательных — с уверенностью в себе, интегративным показателем эмоционального интеллекта и возрастом и положительных — с зависимостью от смартфона. Не выявлено связей зависимости от социальных сетей со стилями поведения в конфликте.

Таблица 2

Результаты корреляционного анализа зависимости от социальных сетей с уверенностью, эмоциональным интеллектом и стратегиями поведения в конфликте (общая выборка N=1456)

	Корреляции Кендалла	
	Коэффициент	Значимость
Уверенность в себе	-,155**	<0,001
Эмоциональный интеллект	-,064**	< 0,001
Соппротивление	0,014	0,448
Сотрудничество	-0,025	0,198
Компромисс	-0,012	0,513
Избегание	-0,01	0,595
Приспособление	0,021	0,264
Возраст	-,150**	< 0,001
Зависимость от смартфона	,494**	< 0,001

Представленный в таблице 2 коэффициент корреляции ($r = -0,155$, $p < 0,001$), как мера связи зависимости от социальных сетей с уверенностью в себе, практически совпадает с указанным в статье *К. Kircaburun с соавторами* коэффициентом корреляции: $r = -0,16$, $p < 0,05$ (Kircaburun et al., с. 84), но статистически существенно более значим. В соответствии с известной классификацией коэффициентов корреляции по силе и значимости, зарубежный результат относится к «значимым корреляциям» ($p < 0,05$), в то время как у нас — к «наиболее высоко значимым» ($p < 0,001$).

Таким образом, установленная отрицательная связь зависимости от социальных сетей с *уверенностью в себе* полностью согласуется ранее полученным в зарубежных исследованиях аналогичным фактом (Almenayes, 2014; Boursier, Gioia, Griffiths, 2020; Cabral, 2008; Costanzo et al., 2021; İskender, 2018; Kircaburun et al., 2020; Yu et al., 2016).

В целом согласуется с (ранее выявленной другими авторами) и отрицательная связь зависимости от социальных сетей с *интегративным показателем эмоционального интеллекта* (Гроголева, Дронова, 2016; Arrivillaga, Rey, Extremera, 2022; Chandel, 2018;

Kaura, Saini, 2020; Măhăţ, 2020; Mulawarman et al., 2020; Sundvik, Davis, 2022).

Отличие состоит в количественном проявлении этой связи.

Полученный нами результат относительно связи с эмоциональным интеллектом отличается от соответствующих зарубежных тем, что, значения установленных корреляций в целом ниже, чем у иностранных авторов. Наибольшую корреляцию с эмоциональным интеллектом мы обнаружили у *Mulawarman с соавторами*. Они выявили отрицательную связь между эмоциональным интеллектом и использованием социальных сетей ($r = - 0,251$; $p < 0,05$) (Mulawarman et al., 2020, с. 325). По классификации коэффициентов корреляции по силе и значимости, данная корреляция характеризует «слабую значимую» связь, а установленная нами связь - «очень слабую сверх-высоко значимую».

Однако надо принимать во внимание то, что в цитированной работе речь идет о параметрической корреляции Пирсона (поскольку выборки там имеют нормальное распределение), в то время как у нас — ранговая корреляция Кендалла (распределение выборок отлично от нормального). Ранговые корреляции дают заниженную силу связи, корреляции Пирсон для тех же выборок показывают более высокие значения. То есть расхождение в степени слабости установленных связей может быть следствием способа статистической обработки, который предопределяется имеющимися исходными данными.

Слабость установленной связи вполне объяснима, если учесть, что переменная эмоционального интеллекта вносит незначительный вклад в дисперсию переменной «зависимость от социальных сетей», а остальная часть дисперсии объясняется другими переменными - предикторами зависимости от социальных сетей: тревожностью, депрессией, одиночеством, экстраверсией, низкой самооценкой, неудовлетворенностью жизнью и др. (Шейнов, Девицын, 2021а, с.41), временем, проведенным в социальных сетях (Almenayes, 2014), отсутствием социальной уверенности (İskender, 2018) и т.д.

Незначительность вклада эмоционального интеллекта в дисперсию переменной «зависимость от социальных сетей», можно показать на примере статьи *Mulawarman с*

соавторами. Поскольку квадрат коэффициента корреляции Пирсона (коэффициент детерминации) показывает вклад в дисперсию зависимой переменной, «переменная эмоционального интеллекта вносит 6,3% в переменную использования социальных сетей, а остальное объясняется другими переменными» (Mulawarman et al., 2020, с. 330), то есть доля действительно незначительная. Поэтому приходится ожидать только слабую силу связи эмоционального интеллекта с зависимостью от социальных сетей.

По-видимому, в силу ожидаемого малого вклада эмоционального интеллекта, зарубежные авторы называют обнаруженные ими слабые корреляции «*moderately correlated*», то есть «умеренными» (Kircaburun et al., с. 84) и даже «*significant*» - «значительными» (Chandel, 2018, аннотация).

Отрицательная связь зависимости от социальных сетей с эмоциональным интеллектом означает, что эта зависимость не способствует развитию эмоционального интеллекта. Это вполне объяснимо, поскольку в отличие от живого, непосредственного общения, онлайн-общение не развивает такие компоненты эмоционального интеллекта, как эмоциональная осведомленность, эмпатия и распознавание эмоций других людей, составляющих значительную и важную часть общения «лицом к лицу». А отсутствие тренинга способностей приводит к их недостаточному развитию.

Положительная связь зависимости от социальных сетей с *зависимостью от смартфона* вполне естественна, поскольку чаще всего пользователи выходят в социальную сеть через смартфон. Это подтверждает и представленное в таблице 2 высокое значение (0,494, $p=0,000$) соответствующего коэффициента корреляции.

Связь зависимости от социальных сетей с уверенностью в себе мы обсудим вкратце с последующими результатами.

Слабость связей, обнаруженных в общей выборке, должна проявиться в мужской и женской частях этой выборки, как это и показывает таблица 3.

Таблица 3

Результаты корреляционного анализа зависимости от социальных сетей с зависимостью от смартфона, уверенностью, эмоциональным интеллектom и стратегиями поведения в конфликте мужчин и женщин

Корреляция Кендалла	Мужская выборка (N=491)		Женская выборка (N=965)	
	Коэффициент	Значимость	Коэффициент	Значимость
Уверенность в себе	-,191**	< 0,001	-,127**	< 0,001
Эмоциональный интеллект	-,145**	< 0,001	-0,009	0,694
Соппротивление	0,018	0,568	,047*	0,041
Сотрудничество	-0,023	0,479	-,049*	0,036
Компромисс	-0,055	0,092	-0,011	0,635
Избегание	-0,013	0,702	-0,025	0,284
Приспособление	,066*	0,042	0,005	0,816
Возраст	-,142**	< 0,001	-,175**	< 0,001
Зависимость от смартфона	,477**	< 0,001	,483**	≤0,001

Данные таблицы 3 показывают, что у мужчин зависимость от социальных сетей связана *отрицательно* — с уверенностью в себе, интегративным показателем эмоционального интеллекта и возрастом и *положительно* - со стилем «приспособление» поведения в конфликте и с зависимостью от смартфона.

Таблица 3 также показывает, что у женщин зависимость от социальных сетей связана *отрицательно* — с уверенностью в себе, со стилем «сотрудничество» в конфликте и с возрастом и *положительно* — со стилем «сопротивление» в конфликте и с зависимостью от смартфона.

Таким образом, обнаруженные в общей выборке связи зависимости от социальных сетей с зависимостью от смартфона, уверенностью в себе и с возрастом имеют место и у мужчин, и у женщин.

Как и в общей выборке, ни у мужчин, ни у женщин не выявлено связи зависимости от социальных сетей со стратегией «избегание» конфликта. Это разнится с установленными L. Hurley (2018) положительными связями всех четырех проявлений избегания с зависимостью от социальных сетей.

Отрицательная связь зависимости от социальных сетей с *уверенностью в себе* показывает, что социальная сеть более комфортна именно для неуверенных в себе индивидов, поскольку она предъявляет в целом меньшие требования к общению, а главное — позволяет создавать свой более привлекательный образ, наделяя его желаемыми, но реально отсутствующими свойствами. При этом количество так называемых «друзей» в Сети позволяет поднимать собственную самооценку.

Отрицательная корреляция зависимости от социальных сетей с возрастом подтверждает ранее полученные результаты (Шейнов, Девицын, 2021а, с. 41). Более молодой возраст характеризуется чрезвычайно высокой потребностью в общении и обретении друзей, и социальные сети, казалось бы, позволяют эти потребности удовлетворять (хотя и не полноценным образом). Например, ощущение чувства одиночества способствует увлечению социальными сетями, но как показали исследования, возникшая зависимость от социальных сетей не только не позволяет избавиться от этого чувства, но и усиливает ощущение одиночества (Шейнов, Девицын, 2021а).

В процессе взросления молодых людей появляется множество новых забот (профессиональное становление, создание семьи, забота о детях и др.), которые отнимают много времени и отвлекают от социальных сетей. Роль свободного времени в зависимости от социальных сетей подтверждает и тот факт, что интерес к социальным сетям и смартфону на фоне общего падения его с возрастом начинает понемногу расти у женщин, начиная с 70 лет, а у мужчин — с 60 лет (эти данные нами еще не опубликованы). Мы объясняем это тем, что мужчины в 60 лет выходят на пенсию, а у женщин (бабушек) внуки подросли и не требуют каждодневной помощи бабушек. Так что появляется время и необходимость чем-то занять себя.

Из стратегий поведения в конфликте обнаруживается только у мужчин положительная связь зависимости от социальных сетей со стратегией «приспособление»,

а только у женщин — отрицательная связь со стратегией «сотрудничество» и положительная — со стратегией «сопротивление» в конфликте.

Эти результаты дополняют зарубежные исследования, в которых удалось обнаружить только тот факт, что стиль поведения в конфликте, ориентированный на избегание, положительно предсказывают зависимость от социальных сетей (Hurley, 2018; Siah et al., 2021; Wong, Goh, Hui, 2020).

Вместе с тем нами показано, что в русскоязычном социуме в связях зависимости от социальных сетей со стратегией поведения в конфликте существенно проявляются различия между мужчинами и женщинами. Подобных фактов мы не обнаружили в результатах зарубежных исследований.

Слабость установленных связей зависимости от социальных сетей с возрастом и стратегиями поведения «приспособление», «сопротивление» и «сотрудничество» в конфликте вполне объяснима, поскольку каждая из этих переменных вносит незначительный вклад в дисперсию переменной «зависимость от социальных сетей», а основная часть дисперсии объясняется наличием многочисленных предикторов этой зависимости, каждый из которых оказывает свое влияние (Шейнов, Девицын, 2021а; Almenayes, 2014; Iskender, 2018).

Сопоставляя результаты в общей выборке с результатами, полученными для входящих в нее мужских и женских выборок, мы столкнулись с ситуацией, когда при объединении двух выборок в одну общую имеющиеся в них связи могут или нейтрализовать друг друга (при из разнонаправленности), или добавлять свойство, которого нет ни в одной из подвыборок. Это показывает, ошибочность часто встречающегося приема, когда исследователь изучает общую выборку из мужчин и женщин, обеспечивая их равное представительство, и делает выводы в целом для обоих полов. Для подобного заключения необходимо обнаружить изучаемое свойство также по отдельности у мужчин и у женщин.

Таблица 4

Результаты корреляционного анализа зависимости от социальных сетей с факторами зависимостей от смартфона, от социальных сетей и с социальными навыками (общая выборка N=1456)

	Корреляции Кендалла	
	Коэффициент	Значимость
Психологическое состояние	,792**	≤0,001
Коммуникация	,569**	≤0,001
Информация	,692**	≤0,001
Потеря контроля	,414**	≤0,001
Страх	,406**	≤0,001
Эйфория	,445**	≤0,001
Социальная смелость	-,170**	≤0,001
Инициатива в социальных контактах	0,002	0,916

Таблица 4 показывает, что обнаружены статистически значимые связи зависимости от социальных сетей: *положительные* — с зависимостью от смартфона и всеми формирующими ее факторами (потерей контроля над собой, эйфорией от его использования, страхом лишиться смартфона) и со всеми факторами зависимости от социальных сетей (психологическим состоянием их пользователя, коммуникацией, получением информации) и *отрицательные* — с социальной смелостью.

Отметим, что отсутствует связь зависимости от социальных сетей с инициативой в социальных контактах.

Слабость связи с социальной смелостью объясняется тем, что последняя представляет лишь один из трех компонентов уверенности в себе, которая самая слабо связана с переменной «зависимость от социальных сетей».

Не удивительно, что это же обстоятельство имеет место относительно мужской и женской частей их общей выборки, как это показывает таблица 5.

Из таблицы 5 следует, что у мужчин и женщин зависимость от социальных сетей в точности повторяет связи, показанные в общей выборке мужчин и женщин.

Таблица 5

Результаты корреляционного анализа зависимости от социальных сетей с факторами зависимостей от смартфона и от социальных сетей и социальными навыками мужчин и женщин

Корреляция Кендалла	Мужская выборка (N=491)		Женская выборка (N=965)	
	Коэффициент	Значимость	Коэффициент	Значимость
Психологическое состояние	,787**	≤0,001	,789**	≤0,001
Коммуникация	,562**	≤0,001	,552**	≤0,001
Информация	,709**	≤0,001	,678**	≤0,001
Потеря контроля	,402**	≤0,001	,399**	≤0,001
Страх	,387**	≤0,001	,391**	≤0,001
Эйфория	,424**	≤0,001	,435**	≤0,001
Социальная смелость	-,214**	≤0,001	-,121**	≤0,001
Инициатива в социальных контактах	-0,017	0,603	0,011	0,622

Таким образом, у мужчин и женщин имеют место статистически значимые связи зависимости от социальных сетей: *отрицательные* — с социальной смелостью и *положительные* — с зависимостью от смартфона и всеми формирующими ее факторами (потерей контроля над собой, эйфорией от его использования, страхом лишиться смартфона) и со всеми факторами зависимости от социальных сетей (психологическим состоянием их пользователя, коммуникацией, получением информации).

Отрицательная связь зависимости от социальных сетей с социальной смелостью представляется довольно естественной. С одной стороны, отсутствие социальной смелости у индивида приводит его к предпочтению общения в онлайн, а с другой — общение в онлайн означает уменьшение практики реального взаимодействия, что влечет неразвитость этого важного умения.

Положительные связи зависимости от социальных сетей со всеми факторами, формирующими зависимость от смартфона, лишь подкрепляют представленный выше результат о сильной связи этих двух цифровых зависимостей. Добавим лишь, что таблица 5 показывает, что фактор «психологическое состояние» пользователя социальных сетей является решающим в возникновении зависимости от них.

Таблица 6

Результаты корреляционного анализа зависимости от социальных сетей с компонентами эмоционального интеллекта (общая выборка N=1456)

	Корреляция Кендалла	
	Коэффициент	Значимость
Эмоциональная осведомленность	-0,002	0,92
Управление собственными эмоциями	-,154**	≤0,001
Самоменеджмент	-,094**	≤0,001
Эмпатия	0,029	0,115
Распознавание эмоций других людей	-0,004	0,826

Таблица 6 свидетельствует о том, что имеют место *отрицательные связи* зависимости от социальных сетей с управлением собственными эмоциями и самоменеджментом. Слабость этих связей объясняется тем, что указанные переменные являются компонентами эмоционального интеллекта, который сам по себе слабо связан с переменной «зависимость от социальных сетей».

Вполне естественно, что слабость связей, обнаруженных в общей выборке, должна проявиться в мужской и женской частях этой выборки, как это показывает таблица 7.

Таблица 7

Результаты корреляционного анализа зависимости от социальных сетей с компонентами эмоционального интеллекта мужчин и женщин

Корреляция Кендалла	Мужская выборка (N=491)		Женская выборка (N=965)	
	Коэффициент	Значимость	Коэффициент	Значимость
Эмоциональная осведомленность	-,068*	0,031	0,023	0,295
Управление собственными эмоциями	-,194**	≤0,001	-,093**	≤0,001
Самоменеджмент	-,161**	≤0,001	-0,036	0,107
Эмпатия	-0,05	0,108	,050*	0,026
Распознавание эмоций других людей	-,096**	0,002	0,031	0,159

Таблицы 6 и 7 показывают, что зависимость мужчин от социальных сетей не только повторяет связи, показанные в общей выборке мужчин и женщин, но добавляется отрицательная связь с эмоциональной осведомленностью и распознаванием эмоций других людей.

Их таблицы 7 следует, что для женщин имеют место *отрицательные* связи зависимости от социальных сетей с таким компонентом эмоционального интеллекта, как управление собственными эмоциями и эмпатия. То есть связей зависимости женщин от социальных сетей в целом меньше, чем у мужчин, но при этом имеется положительная связь с эмпатией.

Таким образом, у мужчин и женщин совпадает только отрицательная связь зависимости от социальных сетей с таким компонентом эмоционального интеллекта, как управление собственными эмоциями. У мужчин в отличие от женщин есть еще и отрицательная связь с эмоциональной осведомленностью, распознаванием эмоций других людей и самоменеджментом, а у женщин — положительная связь с эмпатией.

Тем самым, нами установлено, что в русскоязычном социуме в связях зависимости от социальных сетей со стилем поведения в конфликте существенно проявляются различия между мужчинами и женщинами. Подобных различий мы не обнаружили в результатах зарубежных исследований.

В заключение отметим, что *t*-критерий сравнения равенства средних значений для независимых выборок показал, что среднее значение зависимости от социальных сетей женщин, равное 33,8, статистически значимо ($p \leq 0,001$) превосходит этот же показатель мужчин (30,1). Подобное соотношение установлено и в ряде других исследований (Шейнов, Девицын, 2021а, с. 41; Шейнов, Девицын, 2021б, с. 145).

ВЫВОДЫ

У мужчин и у женщин имеются статистически высоко значимые отрицательные связи зависимости от социальных сетей с уверенностью в себе, а у мужчин — еще и с интегративным показателем эмоционального интеллекта.

Зависимость от социальных сетей отрицательно связана у мужчин и женщин с таким компонентом эмоционального интеллекта, как управление собственными эмоциями, у мужчин (в отличие от женщин) имеет место отрицательная связь с

эмоциональной осведомленностью, распознаванием эмоций других людей и самоменеджментом, а у женщин — положительная связь с эмпатией. Эти результаты являются новыми, поскольку ни в отечественных, ни зарубежных публикациях не обнаружено подобных результатов о связях зависимости от социальных сетей с компонентами эмоционального интеллекта.

У мужчин и женщин имеют место отрицательные связи зависимости от социальных сетей с социальной смелостью и положительные — с зависимостью от смартфона и со всеми формирующими ее факторами (потерей контроля над собой, страхом лишиться смартфона и эйфорией от его использования) и со всеми факторами, формирующими зависимость от социальных сетей (психологическим состоянием их пользователя, коммуникацией, получением информации).

Отсутствует связь зависимости от социальных сетей с инициативой в социальных контактах.

Связи зависимости от социальных сетей со стилями поведения в конфликте у мужчин и у женщин значительно отличаются: только у мужчин имеется положительная связь с приспособлением, только у женщин — отрицательная связь с сотрудничеством и положительная — со стилем «сопротивление» в конфликте. Эти результаты являются новыми.

Зависимость мужчин и женщин от социальных сетей уменьшается с возрастом.

Установленные связи статистически высоко значимы, но слабы по силе. Слабость связей, выявленных как в данной работе, так и в аналогичных зарубежных исследованиях, является следствием того, что на зависимость от социальных сетей влияет множество факторов, поэтому рассматриваемые личностные характеристики вносят незначительный вклад в дисперсию зависимости от социальных сетей и, следовательно, связи не могут быть сильными.

Большинство полученных результатов в целом сходны с результатами соответствующих зарубежных и отечественных исследований, однако в русскоязычном

социуме обнаружено влияние пола на связи зависимости от социальных сетей, которое не отмечалось предыдущими исследователями.

ЛИТЕРАТУРА

Гребень Н.Ф. Психологические тесты для профессионалов. Минск: Современная школа, 2007. 496 с.

Гроголева О.Ю., Дронова А.А. Типология личности подростков, склонных к общению в социальных сетях // Активность и ответственность личности в контексте жизнедеятельности: материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 300-летию г. Омска, Омск, 06–07 октября 2016 года. Омск: Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, 2016. С. 93-95.

Занковский А.Н., Латынов В.В. Модель психологического воздействия в социальных сетях // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2021. Т. 6. № 1. С. 4 - 38. DOI: 10.38098/ipran.opwr.2021.18.1.001

Ковалева Ю.В. Психологические типы субъектности членов сетевого сообщества (на примере социальной сети "Твиттер") // Психологический журнал. 2020. Т. 41. №1. С. 45–55. DOI: 10.31857/S020595920007308-4

Ковалева Ю.В., Журавлев А.А. Общественное настроение и субъектность сетевого сообщества в период пандемии COVID-19: на примере социальной сети Твиттер // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2020. Т. 5. № 2 (18). С. 154–188. DOI: 10.38098/ipran.sep.2020.18.2.005

Латынов В.В., Занковский А.Н. Агент-ориентированное моделирование психологического воздействия в социальных сетях // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2022. Т. 7. № 2. С. 156–181. DOI: 10.38098/ipran.opwr_2022_23_2_007

Левина Т.В. Межличностные отношения у людей с разным уровнем интернет-зависимости // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2019. Том 4. №3(15). С. 83–109.

Люсин Д.В. Современные представления об эмоциональном интеллекте // Социальный интеллект: Теория, измерение, исследования / под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова. Москва: Институт психологии РАН, 2004. С. 29-36.

Нестик Т.А., Михеев Е.А. Психологические факторы эффективности опровержения дезинформации в социальных сетях // Институт психологии Российской академии

наук. Организационная психология и психология труда. 2022. Т. 7. № 2. С. 65–94. DOI: 10.38098/ipran.opwr_2022_23_2_003

Ромек В.Г. Тесты уверенности в себе // Практическая психодиагностика и психологическое консультирование / Отв. ред.: Т.Ю. Синченко, В.Г. Ромек. Ростов н/Д : Фирма "Ирбис", 1998. С. 87–108.

Солдатова Г.У., Рассказова Е.И. Соблюдение правил общения онлайн и офлайн: межпоколенческий анализ // Психологический журнал. 2019а. Том 40. №4. С. 73–84. DOI: 10.31857/S020595920005472-5

Солдатова Г.У., Рассказова Е.И. Неосведомленность родителей о столкновении подростков с рисками в интернете: содержание и психологические факторы // Психологический журнал. 2019б. Том 40. № 1. С. 71–83. DOI: 10.31857/S020595920002251-2

Солдатова Г.У., Рассказова Е.И., Чигарькова С.В. Флейминг как вид киберагрессии: ролевая структура и особенности цифровой социальности // Психологический журнал. 2021. Т.42. №3. С.87–96. DOI: 10.31857/S020595920015229-7

Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп : Учеб. пособие для студентов вузов / Н. П. Фетискин, В. В. Козлов, Г. М. Мануйлов. Москва: Изд-во Ин-та Психотерапии, 2002. 488с.

Шейнов В.П. Короткая версия опросника «Шкала зависимости от смартфона» // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2021. Том 6. № 1. С. 97–115. DOI: 10.38098/ipran.opwr.2021.18.1.005

Шейнов В.П., Девидын А.С. Разработка надежного и валидного опросника зависимости от социальных сетей // Системная психология и социология. 2021а. № 2(38). С. 41–55. DOI: 10.25688/2223-6872.2021.38.2.04

Шейнов В.П., Девидын А.С. Трехфакторная модель зависимости от социальных сетей // Российский психологический журнал. 2021б. №3. С. 145–158. DOI:10.21702/rpj.2021.3.10

Almenayes J.J. Religiosity and the perceived consequences of social media usage in a Muslim country // Journal of Arts and Humanities. 2014. Vol. 3 No. 5. DOI: 10.18533/journal.v3i5.439

Arrivillaga C., Rey L., Extremera N.A mediated path from emotional intelligence to problematic social media use in adolescents: The serial mediation of perceived stress and depressive symptoms // Addictive Behaviors. 2022. Vol. 124. 107095 DOI: 10.1016/j.addbeh.2021.107095

- Bilgin O., Tas I.* Effects of Perceived Social Support and Psychological Resilience on Social Media Addiction among University Students // Universal Journal of Educational Research. 2018. 6(4). pp. 751–758. DOI: 10.13189/ujer.2018.060418
- Boursier V., Gioia F., Griffiths M.D.* Do selfie-expectancies and social appearance anxiety predict adolescents' problematic social media use? // Computers in Human Behavior. 2020. Volume 110. September 2020. 106395. DOI: 10.1016/j.chb.2020.106395
- Cabral J.* Is generation Y addicted to social media // The Elon Journal of Undergraduate Research in Communications. 2011. Volume 2. Issue 1. pp. 5-14.
- Chandel P.K.* The impact of time spent on social media on emotional intelligence of adolescents // JETIR. 2018. Volume 5. Issue 9. DOI:10.1729/Journal.18427
- Cindea A. C., Frant I.A.* The impact of the Time Spent on Social Networks on Emotional Intelligence in Adolescents // Educația Plus. 2020. Issue No 1 Page 239-246. DOI: 10.24250/JPE/1/2020/ACC/IAF
- Costanzo A., Santoro G., Russo S. et al.* Attached to virtual dreams: The mediating role of maladaptive daydreaming in the relationship between attachment styles and problematic social media use // The Journal of Nervous and Mental Disease: September 2021. Volume 209. Issue 9. pp. 656–664. DOI: 10.1097/NMD.0000000000001356
- Hurley L.N.* The relationship between resilience, coping, and social media // The Relationship Between Resilience, Coping, and Social Media. Masters Theses. 2018. 3683. URL: <https://thekeep.eiu.edu/theses/3683> (дата обращения 31.03.2023).
- Iskender M.* Investigation of the Effects of Social Self-Confidence, Social Loneliness and Family Emotional Loneliness Variables on Internet Addiction // Malaysian Online Journal of Educational Technology. 2018. V.6 N.3. pp. 1–10. DOI: 10.17220/mojet.2018.03.01
- Kircaburun K., Griffiths M.D., Şahin F. et al.* The Mediating Role of Self/Everyday Creativity and Depression on the Relationship Between Creative Personality Traits and Problematic Social Media Use Among Emerging Adults // Int. J. Ment. Health Addiction. 2020. 18. pp. 77–88. DOI: 10.1007/s11469-018-9938-0
- Mayer J.D., Roberts R.D., Barsade S.G.* Human abilities: Emotional intelligence // Annual Review of Psychology. 2008. V. 59. pp. 507–536. DOI: 10.1146/annurev.psych.59/103006.093646
- Mulawarman M., Hudab F.N., Suharsoc S. et al.* The Correlation Between Emotional Intelligence, Academic Achievement, and the Use of Social Media in Senior High School Students // International Journal of Innovation, Creativity and Change. 2020. Volume 11. Issue 3. 325–335.

Siah P.C., Hue J.Y., Wong B.Z.R., Goh S.J. Dark Triad and Social Media Addiction among Undergraduates: Coping Strategy as a Mediator // Contemporary Educational Technology. 2021. V.13. N. 4. Article ep32. DOI: 10.30935/cedtech/11104

Sundvik L.M.S., Davis S.K. Social media stress and mental health: A brief report on the protective role of emotional intelligence // Curr. Psychol. 2022. DOI: 10.1007/s12144-022-03035-9

Wong B.Z.R., Goh S.J., Hui J.Y. Dark triad and social media addiction: the mediating roles of coping strategies // UTAR Institutional Repository. 2020. URI: <http://eprints.utar.edu.my/id/eprint/3805>- (дата обращения 31.03.2023)

Yu S., Wu A.M.S., Pesigan I.J.A. Cognitive and Psychosocial Health Risk Factors of Social Networking Addiction // Int. J. Ment. Health Addiction. 14. 550–564. DOI: 10.1007/s11469-015-9612-8

Статья поступила в редакцию: 21.07.2022. Статья опубликована: 05.04.2023.

RELATIONSHIP OF SOCIAL NETWORK ADDICTION WITH SELF-CONFIDENCE, EMOTIONAL INTELLIGENCE, AND CONFLICT BEHAVIOR

© 2023 V.P. Sheinov*, A.S. Devitsyn**

** Doctor of Sociological Sciences, Candidate of Physical and Mathematical Sciences,
Professor, Professor of the Department of Psychology and Pedagogical Excellence,
Republican Institute of Higher Education, Minsk, Republic of Belarus;
e-mail: sheinov1@mail.ru*

*** Senior Lecturer, Department of Web Technology and Computer Modeling, Belarusian
State University, Minsk, Republic of Belarus;
e-mail: devitsin@gmail.com*

Social media addiction is associated with feelings of loneliness, anxiety, depression, stress, life dissatisfaction, impulsivity, narcissism, and exposure to cyberbullying. Therefore, the study of

dependence on social networks is very relevant. The purpose of this study is to test the hypothesis about possible links between social media addiction and self-confidence, emotional intelligence, and style of behavior in conflict situations. The basis of the empirical study was the data of an online survey of 1456 respondents (age indicators $M = 22.4$, $SD = 7.6$), including 965 women and 490 men. Dependence on social networks was measured by the ZSS-15 questionnaire (V.P. Sheinov, A.S. Devitsyn), self-confidence - by the method of V.G. Romek, emotional intelligence - by the test of C. Thomas - R. Kilmann, dependence on a smartphone - by a short version of CAC-16 (V.P. Sheinov) of the questionnaire "Smartphone addiction scale". The article found that men and women have statistically highly significant negative correlations between dependence on social networks and self-confidence ($r = -0.155$, $p < 0.001$), and men also have an integrative indicator of emotional intelligence ($r = -0.145$, $p < 0.001$). The dependence of men and women on social networks decreases with age ($r = -0.150$, $p < 0.001$). Negative associations of dependence on social networks with various components of emotional intelligence and multidirectional associations with styles of behavior in conflict were revealed, and both men and women differ significantly. These results are new, since neither domestic nor foreign publications have found similar results on the relationship of addiction to social networks. Some of the results obtained are generally similar to the results of relevant foreign studies, however, in the Russian-speaking society, features were found in the relationships of dependence on social networks that were not noted in previous studies.

Key words: social media addiction, self-confidence, emotional intelligence, behavior in conflict situations, smartphone addiction, addiction factors, women, men.

REFERENCES

- Greben', N.F. (2007). *Psichologicheskie testy dlya professionalov [Psychological tests for professionals]*. Minsk: Sovremennaya shkola [Modern School]. (in Russian).
- Grogoleva, O.Yu. & Dronova, A.A. (2016). Tipologiya lichnosti podrostkov, sklonnyh k obshcheniyu v social'nyh setyah [Typology of the personality of adolescents prone to communication in social networks]. Proceedings from Activity and responsibility of the individual in the context of life. *II Vserossiyskaya nauchno-prakticheskaya konferenciya s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashchennoj 300-letiyu g. Omska. (6–7 oktyabrya 2016 goda) [II the All-Russian scientific and practical conference with international participation, dedicated to the 300th anniversary of the city of Omsk. (October 6-7, 2016)]*. (pp. 93-95). Omsk Omskij gosudarstvennyj universitet im. F.M. Dostoevskogo Publ. (in Russian).
- Zankovsky, A.N. & Latinov, V.V. (2021). Model' psichologicheskogo vozdejstviya v social'nyh setyah [Model of psychological influence in social media]. *Institut psikhologii Rossiyskoy akademii nauk. Organizatsionnaya psikhologiya i psikhologiya truda [Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Organizational psychology and*

psychology of work]. 6(1). 4 – 38. (in Russian).
DOI: 10.38098/ipran.opwp.2021.18.1.001

Kovaleva, YU.V. (2020). Psihologicheskie tipy sub"ektnosti chlenov setevogo soobshchestva (na primere social'noj seti "Twitter") [Psychological types of subjectivity of members of the network community (on the example of the social network "Twitter")]. *Psihologicheskij zhurnal [Psychological journal]*. 41(1). 45–55. (in Russian). DOI: 10.31857/S020595920007308-4

Kovaleva, YU.V. & Zhuravlev, A.L. (2020). Obshchestvennoe nastroyenie i sub"ektnost' setevogo soobshchestva v period pandemii COVID-19: na primere social'noj seti Twitter [Public mood and subjectivity of the network community during the COVID-19 pandemic: on the example of the social network Twitter]. *Institut psikhologii Rossijskoj akademii nauk. Social'naya i ekonomicheskaya psikhologiya [Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Social and economic psychology]*. 5. 2(18). 154–188. (in Russian).

Latinov, V.V. & Zankovsky, A.N. (2022). Agent-orienirovannoe modelirovanie psihologicheskogo vozdejstviya v social'nyh setjah [Agent-oriented modeling of psychological influence in social networks]. *Institut Psikhologii Rossiyskoy Akademii Nauk. Organizatsionnaya Psikhologiya i Psikhologiya Truda [Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Organizational Psychology and Psychology of Labor]*. 7(2). 156–181. (in Russian). DOI: 10.38098/ipran.opwp_2022_23_2_007

Levina, T.V. (2019). Mezhlichnostnye otnosheniya u lyudej s raznym urovnem internet-zavisimosti [Interpersonal relationships among people with different levels of Internet addiction]. *Institut psikhologii Rossijskoj akademii nauk. Social'naya i ekonomicheskaya psikhologiya [Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Social and economic psychology]*. 4(3). 83–109. (in Russian).

Lyusin, D.V. (2004). Sovremennye predstavleniya ob emocional'nom intellekte / D.V. Lyusin [Modern ideas about emotional intelligence]. In D.V. Lyusin, D.V. Ushakov (Eds.) *Social'nyj intellekt: teoriya, izmereniya, issledovaniya [Social intelligence: theory, measurements, research]*. (pp. 129–140). Moscow, Institute of Psychology RAS Publ. (in Russian).

Nestik, T.A. & Mikheev, E.A. (2022). Psihologicheskie faktory jeffektivnosti oproverzheniya dezinformacii v social'nyh setjah [Psychological factors of the effectiveness of refuting disinformation in social networks]. *Institut Psikhologii Rossiyskoy Akademii Nauk. Organizatsionnaya Psikhologiya i Psikhologiya Truda [Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Organizational Psychology and Psychology of Labor]*. 7(2). С. 65-94. (in Russian). DOI: 10.38098/ipran.opwp_2022_23_2_003

- Romek, V.G. (1998). Testy uverennosti v sebe [Tests of self-confidence]. In T.Ju. Sinchenko, V.G. Romek (Eds.). *Prakticheskaya psihodiagnostika i psihologicheskoe konsul'tirovanie* [Practical psychodiagnostics and psychological counseling]. (pp. 87–108). Rostov-na Donu: Irbis. (in Russian).
- Soldatova, G.U. & Rasskazova, E.I. (2019a). Soblyudenie pravil obshcheniya onlajn i oflajn: mezhpokolencheskij analiz [Compliance with the rules of communication online and offline: an intergenerational analysis]. *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological journal]. 40(4). 73–84. (in Russian). DOI: 10.31857/S020595920005472-5
- Soldatova, G.U. & Rasskazova, E.I. (2019b). Neosvedomlennost' roditel'ej o stolknovenii podrostkov s riskami v internete: sodержanie i psihologicheskie faktory [Lack of awareness of parents about adolescents' exposure to risks on the Internet: content and psychological factors]. *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological journal]. 40(1). 71-83. (in Russian). DOI: 10.31857/S020595920002251-2
- Soldatova, G.U., Rasskazova, E.I. & CHigar'kova, S.V. (2021). Flejming kak vid kiberagressii: rolevaya struktura i osobennosti cifrovoj social'nosti [Flaming as a type of cyber aggression: role structure and features of digital sociality]. *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological journal]. 42(3). 87–96. (in Russian). DOI: 10.31857/S020595920015229-7
- Fetiskin, N.P., Kozlov, V.V. & Manujlov, G.M. *Social'no-psihologicheskaya diagnostika razvitiya lichnosti i mal'yx grupp* [Socio-psychological diagnostics of personality development and small groups]. Moscow: Institut psihoterapii Publ. (in Russian).
- SHejnov, V.P. (2021). Korotkaja versija oprosnika «shkala zavisimosti ot smartfona» [Short version of the questionnaire "scale of dependence on the smartphone"]. Institut psihologii Rossijskoj akademii nauk. Organizacionnaya psihologiya i psihologiya truda. [Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Organizational psychology and psychology of work]. 6. (1). 97–115. (in Russian). DOI: 10.38098/ipran.opwp.2021.18.1.005
- SHejnov, V.P. & Devicyn, A.S. (2021a). Razrabotka nadezhnogo i validnogo oprosnika zavisimosti ot social'nyh setej [Development of a Reliable and Valid Social Network Addiction Questionnaire]. *Sistemnaya psihologiya i sociologiya* [System Psychology and Sociology]. 2(38). 41–55. (in Russian). DOI: 10.25688/2223-6872.2021.38.2.04
- SHejnov, V.P. & Devicyn, A.S. (2021b). Trekhfaktornaya model' zavisimosti ot social'nyh setej [Three-factor model of dependence on social networks] *Rossijskij psihologicheskij zhurnal* [Russian Journal of Psychology]. 45–158. (in Russian). DOI: 10.21702/rpj.2021.3.10

- Almenayes, J.J. (2014). Religiosity and the perceived consequences of social media usage in a Muslim country. *Journal of Arts and Humanities*. 3(5). DOI: 10.18533/journal.v3i5.439
- Arrivillaga, C., Rey, L. & Extremera, N. (2022). A mediated path from emotional intelligence to problematic social media use in adolescents: The serial mediation of perceived stress and depressive symptoms. *Addictive Behaviors*. 124. 107095. DOI: 10.1016/j.addbeh.2021.107095
- Bilgin, O. & Tas, I. (2018). Effects of Perceived Social Support and Psychological Resilience on Social Media Addiction among University Students. *Universal Journal of Educational Research*. 6(4). 751–758. DOI: 10.13189/ujer.2018.060418
- Boursier, V., Gioia, F. & Griffiths, M.D. (2020). Do selfie-expectancies and social appearance anxiety predict adolescents' problematic social media use? *Computers in Human Behavior*. 110. 106395. DOI: 10.1016/j.chb.2020.106395
- Cabral, J. (2011). Is generation Y addicted to social media? *The Elon Journal of Undergraduate Research in Communications*. 2. 1. 5-14.
- Chandel, P.K. (2018). The impact of time spent on social media on emotional intelligence of adolescents. *JETIR*. 5(9). DOI:10.1729/Journal.18427
- Cindea, A.C. & Frant, I.A. (2020). The impact of the Time Spent on Social Networks on Emotional Intelligence in Adolescents. *Educația Plus*. 1. 239-246. DOI: 10.24250/JPE/1/2020/ACC/IAF
- Costanzo, A., Santoro, G. & Russo, S. et al. (2021). Attached to virtual dreams: The mediating role of maladaptive daydreaming in the relationship between attachment styles and problematic social media use. *The Journal of Nervous and Mental Disease*. 209(9). 656 – 664. DOI: 10.1097/NMD.0000000000001356
- Hurley, L.N. (2018). The relationship between resilience, coping, and social media. *The Relationship Between Resilience, Coping, and Social Media. Masters Theses*. 3683. URL: <https://thekeep.eiu.edu/theses/3683> (accessed 31.03.2023)
- İskender, M. (2018). Investigation of the Effects of Social Self-Confidence, Social Loneliness and Family Emotional Loneliness Variables on Internet Addiction. *Malaysian Online Journal of Educational Technology*. 6(3). 1–10. DOI: 10.17220/mojet.2018.03.01
- Kircaburun, K., Griffiths, M.D. & Şahin, F. et al. (2020). The Mediating Role of Self/Everyday Creativity and Depression on the Relationship Between Creative Personality Traits and Problematic Social Media Use Among Emerging Adults. *Int. J. Ment. Health Addiction*. 18. 77–88. DOI: 10.1007/s11469-018-9938-0

- Mayer, J.D., Roberts, R.D. & Barasade, S.G. (2008). Human abilities: Emotional intelligence. *Annual Review of Psychology*. 59. 507–536. DOI: 10.1146/annurev.psych.59/103006.093646
- Mulawarman, M., Hudab, F.N. & Suharsoc, S. et al. (2020). The Correlation Between Emotional Intelligence, Academic Achievement, and the Use of Social Media in Senior High School Students. *International Journal of Innovation, Creativity and Change*. 11(3). 325–335.
- Siah, P.C., Hue, J.Y., Wong, B.Z.R. & Goh, S.J. (2021). Dark Triad and Social Media Addiction among Undergraduates: Coping Strategy as a Mediator. *Contemporary Educational Technology*. 13(4). Article ep320. DOI: 10.30935/cedtech/11104
- Sundvik, L.M.S. & Davis, S.K. (2022). Social media stress and mental health: A brief report on the protective role of emotional intelligence. *Curr. Psychol.* DOI: 10.1007/s12144-022-03035-9
- Wong, B.Z.R., Goh, S.J. & Hui, J.Y. (2020). Dark triad and social media addiction: the mediating roles of coping strategies. *UTAR Institutional Repository*. URI: <http://eprints.utar.edu.my/id/eprint/3805> (accessed 31.03.2023)
- Yu, S., Wu, A.M.S. & Pesigan, I.J.A. (2016). Cognitive and Psychosocial Health Risk Factors of Social Networking Addiction. *Int. J. Ment. Health Addiction*. 14. 550–564. DOI: 10.1007/s11469-015-9612-8

The article was received: 21.07.2022. Published online: 05.04.2023

Библиографическая ссылка на статью:

Шейнов В.П., Девицын А.С. Взаимосвязи зависимости от социальных сетей с уверенностью в себе, эмоциональным интеллектом и поведением в конфликтах // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2023. Т. 8. № 1. С. 60 – 89. DOI: 10.38098/ipran.opwp_2023_26_1_003

Shejnov, V.P., Devicyn, A.S. (2023). Vzaimosvjazi zavisimosti ot social'nyh setej s uverennost'ju v sebe, jemocional'nym intellektom i povedeniem v konfliktah [Relationship of social network addiction with self-confidence, emotional intelligence, and conflict behavior]. *Institut Psikhologii Rossiyskoy Akademii Nauk. Organizatsionnaya Psikhologiya i Psikhologiya Truda [Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Organizational Psychology and Psychology of Labor]*. 8(1). 60 – 89. DOI: 10.38098/ipran.opwp_2023_26_1_003

Адрес ссылки <http://work-org-psychology.ru/engine/documents/document870.pdf>